

ВЕСТНИК

Периодическое издание Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника

№ 8 (57), сентябрь 2007

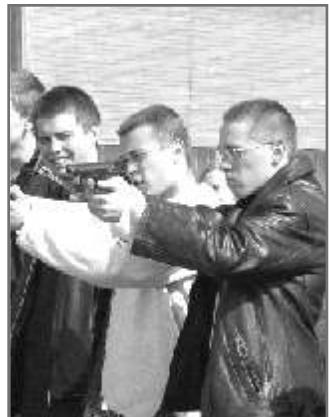
2 Наблюдение –
залог безопасности

3 Ботанический сад
выращивает
лекарственные травы

5 Юбилейный сезон
стройотряда МГУ

6 Итоги весенних
спортивных
состязаний

С ПРАЗДНИКОМ!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ МУЗЕЕВ

Дорогие коллеги!

Поздравляем вас с нашим профессиональным праздником – Международным днем музеев.

Сейчас, в начале 21 века, вопрос, каким быть музею в России, по-прежнему, открыт. Старая идеология, старые представления о роли этого института в жизни общества ушли в прошлое. И именно те организации, в которых есть новые идеи и люди, готовые эти идеи реализовать, задают современные стандарты всему музейному делу в России.

Среди профессионального сообщества Соловецкий музей-заповедник по праву признается новатором во многих сферах музейной деятельности – реставрационной, экспозиционной, образовательной, информационно-издательской. И по-другому не может быть. Статус памятников, которые охраняет наш музей, обязывает к самому серьезному к себе отношению. Мы сохраняем мировое достояние. И это наша ответственность – передать соловецкое сокровище будущим поколениям.

Желаем вам профессионального совершенствования, творческого отношения к работе, взаимопонимания и семейного благополучия!

С уважением,
редакция «СМ. Вестника»

ОХРАНОЙ ПАМЯТНИКОВ В ОБЛАСТИ ЗАЙМУТСЯ ВСЕРЬЕЗ

Архангельское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (Отделение ВООПИиК) 17 апреля 2007 года в Архангельске областной XIV отчетно-перевыборной конференции поменяло руководящий состав.

В ходе поименного рейтингового голосования из 185 делегатов конференции, представляющих 1020 членов АО ВООПИиК (более 60 первичных организаций) избран новый состав Совета общества в количестве 27 человек, и руководящий президиум Совета в количестве 11 человек.

Как сообщили ИА «Двина-Информ» в Информ-Центре Архангельского регионального отделения Общества «Мемориал», новым председателем Совета Отделения ВООПИиК единогласно избран заместитель губернатора Архангельской области по социальным вопросам Михаил Ситкин. Также единогласно заместителями председателя избраны: директор Соловецкого государственного музея-заповедника, советник Главы администрации области по вопросам культуры Михаил Лопаткин и директор Архангельского регионального отделения Российского общества «Мемориал» Олег Пычин.

Делегатами общества на всероссийский Съезд ВООПИиК избраны члены Президиума совета Отделения ВООПИиК: Михаил Ситкин, Олег Пычин, Иван Моеев, Вадим Трескин.

В избранном составе руководство Архангельского областного отделения ВООПИиК согласно Уставу Общества будет работать в течение последующих пяти лет.

Информационное агентство
«Двина-Информ»

40 ЛЕТ СОЛОВЕЦКОМУ МУЗЕЮ-ЗАПОВЕДНИКУ: СОТРУДНИКИ ВСПОМИНАЮТ

Накануне 40-летнего музейного юбилея некоторые старейшие сотрудники поделились своими воспоминаниями о том, как все начиналось. Предлагаемые читателю фрагменты этих бесед не являются мемуарами, биографическими очерками или интервью в строгом смысле слова. Скорее, это свободные рассказы на заданную тему. Поэтому разговорный стиль был во многом сохранен, и пусть читателя не удивляет несколько необычный для печатного слова слог.

Часть бесед состоялась в рамках совместного проекта Соловецкого музея-заповедника и Московского лицея № 1514 (руководитель В.В. Глебкин) «Народный архив». В дальнейшем планируется издание специального выпуска «Народного архива», посвященного истории Соловецкого музея-заповедника. В этот сборник войдут предлагаемые материалы, но уже без сокращений.

Целью публикуемых записок не является выстраивание строгой хронологии истории музея. Не претендуют они и на полноту и всеобъемлемость. Главное в этих рассказах – попытка передать неповторимую и совершенно особенную атмосферу тех лет.

Серафима Александровна Левкина: «ВЕСЕЛО, ДРУЖНО ЭТО ВСЕ ТАК...»

Я пришла в музей в январе 1969 года, директором уже был Варакин Николай Павлович, работали также Абрамов Евгений Петрович и Саша Осипович. Абрамов был главным хранителем. Ну вот, трое их было только. Сошина уже позже пришла. В феврале, после меня. Еще уборщицы были, наверно. Мы находились на третьем этаже Настоятельского корпуса. Там была одна комната, маленькая и узкая. Мы там все сидели.

Ребята, в основном, ездили в командировки и экспедиции, собирали материалы, книги привозили. Я сразу приняла библиотеку. Когда я пришла, книги уже были. До меня работала девушка, которую я не застала. Женя Абрамов мне эти книги передал. Было 900 книг, все по истории.

Потом мы спустились на второй этаж, там сформировалась научная часть, а библиотека так и оставалась на третьем этаже. Потом стали появляться Аракчеев, Кублановский тут недолго был. Тут уже Людмила Васильевна появилась. Людмила Васильевна пришла и говорит: выбирайте себе место под библиотеку, тут было, знаете, столько мусора, до потолка, там трудно было это вообразить, где тут можно что-то выбирать, столько надо было убрать...

Многое мы делали и сами, но и рабочие делали, конечно. Библиотека переехала вниз, в Настоятельский корпус, напротив нее был кабинет

директора. У меня библиотека была большая, разделена перегородкой. Так вот за ней сидели секретарь и зав. методическим отделом. Секретарем Катя Заварзина была, а зав. отделом Пасечник была. А остальные сидели в комнатке, где сначала экспозиция была. Вот по первости так, помню, обеспечивали музей дровами сами – сотрудники, уборщицы. Нас тут немного было, но мы брали трактор зимой, ехали в Долгую губу, грузили сами, привозили, разгружали, и все своими силами. Пилили не мы, кололи не мы, но мы их убирали, собирали плавник, много, конечно, нам это по первости доставалось.

Начали разрабатывать экспозиции, делать залы. Сначала один был экспозиционный зал, небольшой. Тоже в Настоятельском. Первый зал исторический.

При подготовке экспозиций все бросали свою основную работу. Это монтаж и демонтаж экспозиции. Кто что мог, тот то и делал. Раньше ведь не было современного оборудования. Были рамки, стекла, на самодельных креплениях. Мы туда все вставляли, готовили залы, вставляли стекла в витрины. Очень трудоемкая работа. Все было достаточно примитивно, по нынешним меркам. Гравюры выставляли. У нас еще столяр был Федор, фамилии не помню, он много сделал оборудования для экспозиции. Потом когда открыли новый зал, то поставили макет.

Сначала очень много ездили в экспедиции, собирали материалы и экспонаты. В экспедиции ходили и летом, и зимой. Ездили на самолетах, тогда маленький еще летал. А потом по деревням – из Архангельска. В Онежский район ездили. В архивах очень много работали. Читали много, но в основном, научную литературу. Архивы поднимали, потому что информации о Соловках было мало. Старались найти и доставить сюда книги по Соловкам. Сначала у нас была одна маленькая пишущая машинка «Москва» на весь музей. А потом стали появляться новые, с развернутыми каретками. Говорят, что эта первая машинка до сих пор где-то жива.

Жили сотрудники в Новобрасском корпусе. Жизнь тяжелая была. Очень холодно было, ребята сильно мерзли. Печку сложно топить, дрова трудно достать. Ни туалета не было, ни воды. Топчаны они сами себе сколотили, на них и спали. Достали где-то матрацы себе, то ли привезли, то ли купили. У каждого была своя комнатка. У кого-то печки из коридора топились. А кто придет

Наши люди

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 2

после работы и топит-топит печку. Мерзнут-мерзнут, бедные, это, сидят, им потом придут счета за электричество - денег же не платили - свет обрежут у них за то, что они много нажгут электроэнергии...

Зарплату не платили, и маленькая была очень зарплата. В общем, условия были тяжелые, конечно. Сначала они жили на втором этаже, потом сделали третий этаж. Шапошники со своим маленьким Ванькой здесь жили. В валенках ходили, в теплом в чем-нибудь.

Нас было мало, поэтому отношения были самые близкие. Было единение, сплоченность. Субботники часто были. Раньше не было рабочих, поэтому мы сами дрова завозили, двор убирали всем коллективом. А после субботников собирались чай попить в Настоятельском корпусе. Всегда были вместе. Мы жили очень дружно, пока у нас был маленький коллектив. Все праздники мы праздновали вместе, утренники. У нас детей было всего на музей, у меня двое да тут еще, и вот Людмила Васильевна с Тоней, обязательно, вы знаете что, наряжалась, ставили елку для детей, они прямо устраивали им целый тут праздник. Ага, это интересно было, очень. Потом праздновали разные праздники, события, тогда были очень часто свадьбы, все это мы делали коллективно, собирались там как-то, весело, дружно это все так. Молодежь была, женились.

Мы начали проводить своеобразные «Голубые огоньки». Они проходили в помещении столовой и были очень интересными.. Ведущими были Людмила Васильевна с офицером. Вечера пользовались очень большой популярностью у местного населения, даже билетов не всем желающим доставалось. И песни пели, и стихи читали. Это

Начало

были тематические вечера, не как теперь: пришли, вина попили, потанцевали. Заводилой-то Людмила Васильевна была. Ну а так, все сотрудники участвовали.

Летом стали приезжать студенческие отряды. Создавалась маленькая реставрационная мастерская, филиал мастерской от Архангельска. Стали люди появляться.

Очень интересных людей много было: поэты, композиторы, ученые, искусствоведы. Самые первые туристы – сплошные интеллигенты. А потом уже более разношерстная публика поехала.

И было очень много экскурсий. Пароходов много приходило, был огромный наплыв народа. Летом основной вид деятельности – экскурсионное обслуживание. Я еще школьницей была, директор соловецкой школы П.В. Витков, историк, один раз провел нас на паперть Преображенского собора и говорит: «Здесь у вас скоро будут тысячи туристов», – и слова его сбылись... Я очень долго работала организатором экскурсий. Мне нужно было собрать все заявки с турбаз, знать, сколько туристов приедут на теплоходах. Нужно было теплоход встретить, всех развести, чтобы никто на причале без экскурсовода не остался. Затем шла на турбазу, а там двести с лишним человек вмещалось. В основном, заезды были на неделю, и каждой группе эту неделю надо было расписать. То есть все заранее знали, что они всю неделю будут делать по

часам. Мы старались к каждой группе прикрепить одного экскурсовода на все дни. Каждый раз приходилось самой ходить отправлять группы, чтобы проверить, придет или нет экскурсовод. В выходные дни группы прилетали самолетом, я их тоже ходила встречать. А потом нужно было сделать все отчеты. Словом, работы было очень много. Причем все это я делала бесплатно, получала только зарплату библиотекаря.

В это время я еще и книги должна была выдавать. Да еще на теплоход раза по три в день надо было сбегать, они ведь там обедали между экскурсиями. Надо было проконтролировать, чтобы экскурсовод не опоздал. Я утром ходила экскурсоводов будить, чтобы все вовремя пришли. В 7.00.-7.30 бежала к теплоходу. В 8-9 уже начинались экскурсии. Раньше же здесь автобусов не было, сначала туристов выпускала на Большой круг, они пешком шли до Секирки. Вторая группа шла на лодках, потом они менялись. Экскурсии были такие: по Большому кругу, Муксалма была у тех туристов, которые на турбазе жили. Была Обзорная экскурсия по Кремлю. Когда приходил теплоход, то была только Обзорная и Большой круг и Переговорный камень. Заходили по пути на Секирку в Ботанический сад. Отдельно Ботсада не было.

Для турбаз водили на Филипповские садки. На Зайчики не

Серафима Александровна

Продолжение на стр. 4

Продолжение. Начало на стр. 1, 2

возили, только сами туристы находили лодки и ехали. Про лагерь тогда не разрешали говорить ни слова. Монастырской тюрьмы тоже очень мало касались.

Поженская Маргарита Михайловна взяла на себя общественную нагрузку по подготовке экскурсиров. Она в библиотеке работала, в той, островной, и она на общественных началах вела курсы экскурсиров, выписывала много литературы из Ленинки и готовила экскурсово-

дов. Всю зиму она вела курсы, сама готовилась, материалы подбирала. Их, в основном, посещали учители, председатель исполкома Таранов – интеллигенция, в общем. И они потом водили экскурсии тоже на общественных началах.

Сюда ехали как в святые места.

Ходили тогда большие корабли: «Буковина», «Татария», «Юшар», «Еланская», «Надежда Нежданова». Добирались и через Кемь на военном катере. Потом и на самолетах группы прилетать стали. Одно время здесь был пропускной режим, надо было в Архангельске пропуска оформлять.

В частном секторе туристы не размещались, жили на турбазе или на теплоходах.

Тогда сувениров еще было мало, помню, первыми появились броширы Лапиной «Соловки» и маленькие

башенки из какого-то металла. Потом эти башенки и из дерева стали делать. Продавались они в кассе, где и билеты на экскурсии, которые, кстати, были очень оригинальными, с изображением Соловков.

Музей занимался также просветительской деятельностью. Наши сотрудники уроки вели, учителей ведь не хватало. Вели кружки в школе. Лекции читали. То есть сотрудничали со школой. Водили экскурсии, различные выставки, праздничные мероприятия устраивали для местного населения.

По молодости все хорошо казалось. Хотя мы и мерзли, условия ужасные были. Придешь – холода, печка дымит, в пальто сидим – и хорошо.

Антонина Алексеевна Сошина: «Я НИГДЕ БЫ НЕ СМОГЛА ТАК ИНТЕРЕСНО ОБЩАТЬСЯ...»

Вы знаете, тогда приходилось делать все. Маленький коллектив, мужской...

Проводили, во-первых, летом экскурсии, вот сейчас, конечно, меня бы застрели – я не смогла бы этого сделать. Тогда мы водили по 3, даже 4 экскурсии в день по монастырю. Мне кажется сейчас это немыслимым. А тогда три – это было вполне... В экспедиции всю зиму мы ездили. Мы объехали все Поморье, начиная от Кольского и до Онеги... Мы, например, от Онеги до Каргополя все прошли. Много работали, поскольку мы начинали, все интересно было, и все было ново, работали в архивах очень много...

Мы жили на территории монастыря и очень редко выходили за пределы монастырской стены, то есть мы жили сами по себе. И про нас всегда говорили: «О-о-о-ой, какие музейщики...», вроде как мы немного того... «Ну вот, музейные редкости пошли...» Потому что ребята у нас такие были, немножко... Вот Женя Абрамов, он такой очень своеобразный был, он, например, ходил – он и сейчас очень такой вот, в прошлом году он приезжал тоже, –

он одевался исключительно с помоек. Там какие-нибудь бичи живут, оставляют... Я помню, у него были сапоги, которые он нашел на помойке. Приходит и говорит: «Смотрите, совсем новые сапоги кто-то выбросил на помойку, только одна подошва отвалилась». Взял, бинтом так прибинтовал и ходил на работу. Причем в то время уже приехала Людмила Васильевна Лопаткина. Я в 69 году, она в 71 году, наверное, приехала. Она приехала, и сразу директором, хотя очень молодая, такая строгая, нас так очень... Причем он эти сапоги нашел среди земли, но на них были пуды грязи, которые с осени остались. И, помню, он приходит на работу, Людмила Васильевна ему сурово говорит: «Евгений Петрович! Что же вы в таких сапогах на работу пришли? Ну как-то надо все-таки...» У нас в соседнем корпусе стояла бочка с ваксой, времен Учебного отряда. Видимо, она была на ворвани или на чем-то таком. Вонь была жуткая от нее. На следующий день он пошел, взял этой ваксы, сапоги щеткой начистил. Приходит на работу... А сидели мы все в одном

маленьком кабинете на третьем этаже в Настоятельском корпусе, то оконечко, которое во фронтончике... Мы сидим, и вдруг Людмила Васильевна подозрительно принялась: «Да что ж такое сегодня?» Он из-за стола ноги высунул: «Видите, Людмила Васильевна, как у меня сапожки-то блестят!» Ну, вообще он был с таким вот юмором, очень своеобразным. Он с бинтом так и ходил. Потом он где-то нашел тоже забавные – китайские какие-то, синие-синие, хлопчатобумажные штаны – кто-то ему подарил, помоему. И он повесил их сушить около печки, и они у него сзади, там, где карманы, прогорели. Он говорит: «Ну что ж, хорошие штаны, совсем новые, штанины блестят, ну тут

Продолжение на стр. 5

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 4

прогорело, буду водить экскурсии в пальто». Лето. Пошел он в пальто, и было очень жарко. Ну, он снял пальто, забывши, сунул руку в карман, а кармана-то нет.

Ну, ко всему относились с юмором, хотя вот Женя, например, к чему-чему, а к религии относился очень серьезно. Но, конечно, Людмила Васильевна пыталась бороться. Ну, тем не менее, так было. Например, мы в пост ели одну кашу.

У нас был общий котел, я, например, готовила, ребята воду носили.

Читали мы много и хорошо. У нас Саша Осипович считался таким антисоветчиком, он потом в Америку вынужден был уехать. Их потом, ребят всех, они не сами ушли, их, по сути дела, выгнали с работы. И у нас полно было литературы, у Саши была прекрасная библиотека. Он сейчас в Америке, профессор, он защитился, он прекрасно знает литературу, и библиотека у него была отменная. Мама у него была журналистом, он потомственный, и, конечно, очень много знал, все что угодно: Мандельштама, Цветаеву, Гумилева, и все это читали. У меня до сих пор хранится, я сама перепечатала Мандельштама, двухтомник был американский.

Мы сидели долгими зимними вечерами, у нас была машинка, всё печатали: Цветаеву, Гумилева... Что касается прозы, первая книга, которую я приехала на Соловки и прочитала, была «Неугасимая лампада» Ширяева.

Интересные хорошие у нас ребята были, и была у нас такая достопримечательность – самоварня. В Новобратском корпусе была на 3 этаже такая анфилада комнат, которые просто не отреставрированы, ничего. И сделали там огромный стол, причем из каких-то толстых досок, огромный, почти через всю комнату. Поставили пеньки, и там был самовар огромный. Кто-то привез, наверное, Женя Абрамов. У нас стоял такой огромный тоже ящик с шишками, и про эту нашу самоварню знали все. Тогда, кстати, в конце 60-х – начале 70-х много приезжало интересных людей, потому что Соловки только открыли для туристов. И тогда приезжал народ, те, кто сидели в лагере, родственники, и вообще... Публика была,

конечно, очень интересная. И на протяжении всего лета у нас в самоварне круглые сутки кипел самовар, и всегда было полно народа. И эту самоварню так прославили, что люди, которые сходили с парохода, спрашивали о ней.

И, конечно, очень много интересных людей, рассказов, знакомств, которые на очень долгие годы потом сохранились. Вот приехал такой молодой человек, Сергей Есин, он сейчас ректор Литературного, потом познакомилась я с Татьяной Флоренской, внучкой П. А. Флоренского, она приезжала из первых... Было очень много их. Приезжали те, кто лагерь пережили, и, конечно, – много рассказов. Мы даже пытались как-то записывать, но однажды приехали представители КГБ, неожиданно нагрянули и всё забрали. Вот так вот.

Солженицына, конечно, мы все прочитали, и «Один день Ивана Денисовича», как только он появился, и «Архипелаг ГУЛАГ», конечно, до нас сразу же дошел. Но, поскольку такие вещи давали всегда на неделю, то всю неделю читали. «Архипелаг» меня поразил, тут говорить нечего. Но это не мой писатель, у меня душа к нему не прикипела. Потому что он зло очень пишет, а вот это меня всегда отталкивает, хотя я могу быть согласна с тем, что пишет, но не как пишет... Я не могу не ценить то, что он сделал, вот «Архипелаг» и много других книг, но, тем не менее, сказать что «Ах, это мой писатель, величайший» – тут нет. Я, честно

говоря, прочитать его «Красное колесо» не могла, даже и не пытлась. У нас ни радио, ни телевизора не было, мы сидели и читали, топили наши печки, руки по локоть в саже, пили чай и обсуждали все это, кто там что прочитал. В общем, у нас постоянно были разговоры на всякие интересные темы. Абрамов, Осипович приехали сюда на Соловки, потому что Соловки в сотрудниках нуждались, и не очень их спрашивали, потому что никто особо сюда не совался. А потом уже настали времена иные, и их потихонечку... Они вообще часто о политике спорили. Я вот помню, Осипович, он вообще у нас такой интеллектуал был, у него с Людмилой Васильевной часто были споры. Она тоже после университета, такая отличница, директор, строгая вся из себя, и мы очень много спорили о советской власти тогда. И помню даже, Женя Абрамов стал писать историю Руси «Что, если бы победили белые?» Помню, что у нас, в нашем кабинете, стояло полное собрание сочинений Владимира Ильича Ленина. И когда Осипович начинал спорить с Людмилой Васильевной о терроре, о революции большевиков, обо всем, он цитировал только Ленина. Но так аргументировал, что Людмиле Васильевне сказать было нечего. И вот, когда Осипович начинал все это читать, несколько раз были случаи, что Людмила Васильевна спорит-спорит, потом заплачет и убежит в кабинет. Опять же Осипович дружил

А. Мельник

Продолжение на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 4, 5

с некоторыми из тех, кто тогда вышел на Красную площадь. Был такой там, он приезжал до этого на Соловки, такой осиповический друг, потом он тоже пострадал. Потом у них был приятель, Сережа Пирогов, который дважды сидел. Первый раз он старше гораздо нас он сидел в 56-ом, а потом он сел в начале 70-х. Затем он жил в Германии и долго работал на Немецкой волне. А потом уже начали намного больше знать о лагере не то, что там какие-то экскурсии, боже упаси, что-то говорить. Людей приезжало много, и я помню, например, два года подряд приезжал такой Николай Васильевич Бовин, человек, который сам делал звезду. С земли не было видно её размеров, но он точно сказал, что вот она состоит из таких уголков, и когда сняли, было именно так, как он говорил. И потом ходили всякие легенды, что тем, кто поставил, обещали свободу, но ничего подобного, они не то, что «если добровольно сделаешь отпустят», им приказали, хочешь - не хочешь. Вот однажды мы сидим в нашем кабинете все, и заходит такой человек, смотрит так... Мы говорим: «Спросить что-то хотите?», а он: «Нет, просто я свою камеру пришёл повидать. Тут вот мои нары были, тут вот кого-то...»

Официально разрешили говорить про лагерь в 89-ом году. Причём даже не так, чтобы пришли и сказали «говорите». Тогда Людмила Васильевна была директором. И вот с Антониной Мельник, мы обе работали в экспозиционном отделе и решили делать выставку по лагерю, как оказалось едва ли не первыми в те времена. И тогда пригласили Александра Всеволодовича Баженова, он у нас художник, и мы эту выставку, сейчас она, конечно, немного переделанная, мы её буквально сделали за три месяца. Хотя было и материалов тогда не очень много, потому что эта тема была еще не разработана явно не в чести, да и нас несколько раз всё грозились выгнать, так что желающих немного было, и даже в фонды записывать какие-то материалы по истории нельзя было, единственное, нам фотографий достать удалось, и то немного. Ещё в середине семидесятых годов с ленинградскими

Н. Шилов после экспедиции

художниками В. И. Герасимовским и Г. Г. Хорошайловым мы делали выставку «Развитие музейного дела на Соловках советского времени». Ну и, конечно, эту тему никак нельзя было рассмотреть без лагеря. И вот удивительно, конец семидесятых годов, нам удалось показать Соловецкое общество краеведения, лагерный музей. Но, естественно, потом пришлось там показать и историю музея, но, тем не менее, в начале всего этого был лагерный музей.

Мне посчастливилось со стольками людьми познакомиться, и поддерживать отношения, и это не благодаря тому, что это я какая-то особенная. Я это отношу исключительно на счёт того, что я живу на Соловках. Может быть, в Москве, на меня бы никто внимания не обращал, я была бы такой неинтересной, да и вообще, не было бы возможности познакомиться. А здесь.... это потому, что ты воспринимаешься действительно как частица Соловков. Что касается общения, я бы, наверное, нигде не смогла так интересно общаться, как на Соловках. Вот сейчас это, наверное, не так заметно, здесь очень много народа и человек, который приезжает на Соловки, у него есть возможность пообщаться и с тем, и с этим, а тогда был только музей, вот этот наш малюсенький коллектив, и наша самоварня, поэтому все, кто приезжали, они все проходили через нас. Как-то, вот я помню, сидим вдвоём с Женей, сезон закончился, к нам

звонят из отдела по культуре и говорят, что в Архангельске проходит съезд Союза писателей, и идёт пароход, на котором триста писателей. Ну, а мы с Женей вдвоём остались. И мы думаем, кто поведёт эти триста писателей, если мы всего вдвоём, как мы их поведём? «Ну, давай, - говорит, - разделим их на две части, ну подумаешь, триста писателей, Льва-то Толстого всё равно среди них нет». Ну и мы действительно, кучей собрали этих писателей всех наших, разделили их на две части и повели. Действительно, все триста были. И такое было... Но, мы, правда, нашли выход, мы ещё их поделили и отправляли по семьдесят в гостиницу, но нам всё равно пришлось сто пятьдесят их водить.

Не в первые годы, конечно, а уже позднее да, мы ко всяким событиям, даже праздникам, устраивали выставки, причём они были такие живые, интересные на окончание сезона или к началу сезона. Вообще как-то всё делали это без напряга, не как обязаловку, а с неким юмором. Я помню, у нас каждый год был день открытых дверей, перед туристическим сезоном. В начале мы делали экспозиции, а потом приглашали всех жителей на день открытых дверей водили экскурсии, устраивали какой-нибудь вечер, причём мы опять же делали все легко, не так всё серьёзно... Однажды мы с Людмилой Васильевной пошли в баню и всем

Продолжение на стр. 7

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 4, 5, 6

приглашения на день открытых дверей засунули в белье. Пришло в голову. Мы с ней вообще, провели бок о бок многие годы, она в 1971 г. приехала. Тем более, мы с ней жили в Новобратьевском, это потом у нас дамский коллектив распался, а так у нас ещё была Софья Митина, реставратор, потом ещё позднее Ольга Шапошник потом уже стало многолюднее в Новобратьевском, мы всякие устраивали для населения вечера, газеты выпускали довольно живые, про забавные всякие случаи, и ещё что-то.

Я с Людмилой Васильевной часто ездила в экспедиции. Мы собирали материалы по традиционным поморским промыслам и ремеслам. В основном обезжали деревни, которые были во владении Соловецкого монастыря, исторически связанные с Соловецким монастырем. И в них всегда было много предметов, которые привозили паломники из Соловецкого монастыря, и рассказы о поездке в монастырь. В те времена были старики, которые бывали здесь во времена монастыря. Привозили иконы, приходилось сидеть среди зимы в продуваемых ветром церквях, где всё было засыпано снегом, помётком птичьим, мы всё это выгребали, выгребали.

Со мной там тоже было много

всех приключений. Это обычно были поездки в поморские деревни, где нам давали лошадь, мы по всем деревням ездили на лошадях. И однажды ехали мы по морю, длинный путь 15 километров. Был такой жуткий ветер... Мы собирали экспонаты. И так замерзли, что надели на голову все, что собрали, экспонаты на себя надели, и сверху еще огромные корзины, чтоб не поддувало. Время от времени мы снимали эти корзины, и поднимали головы. Мы так не глядя едем, а навстречу нам какие-то крестьяне. Они на нас вытаращенными глазами уставились, а мы с корзинами на головах, еще у нас сверху какие-то платки, сарафаны понадеты...

Однажды мы решили ехать в соседнюю деревню. Пошли на конюшню, и конюх мне говорит: «Ну, выбирайте лошадь», я ему: «Ой, мне, конечно, самую красивую». Выбрал он мне самую красивую лошадь, я запрягla, у неё там ветхая ветхая сбруя, все перевязано веревочками, еще чем-то, как-то еле-еле... И мы собирались ехать, а в магазин что-то привезли. Около магазина народ. Нам говорят: «Куда это вы поехали?» - «В Красную Гору». Людмила Васильевна (я правлю) сидит на облучке в зимний день и читает Моэма. И тут я лошадь слегка хлестнула, так она нас понесла, и мы едем мимо кладбища,

а лошадь делает скачок на это кладбище и мчится прямо по этому снегу к обрыву, и только-только перед ним мы остановились, и дальше, пока я ее оттуда вытягивала, у меня порвалась вся ее сбруя, все эти уздечки, эти веревочки все. И когда я ее вытащила на дорогу, она ни в какую Красную Гору не пошла. Мы не могли ничего с ней сделать. Ну, мы сели и обратно. И тут она нас с радостью великой несет. И снова магазин. И та же публика говорит: «Да что-то вы рано, однако, вернулись!»

У нас в экспедиции была еще забавная история. Приехали мы однажды в деревню с одной нашей сотрудницей, Артамошкой Валентиной, ну и как обычно приходишь к какому-нибудь одному жителю старенькуму, и начинаешь спрашивать, к кому лучше сходить, все знают, у кого что есть, и все подробности, и ты только пишешь всё это. Ну, хозяйка нам про всех всё рассказала, и сказала, что в том-то доме - женщина, у неё есть много всего, но только ради Бога, сказала, у неё прозвище есть деревенское «Ступа», и вы при ней слово «ступа» ни в коем случае не говорите. «Ну ладно, ничего, - я сказала, - с чего мы будем эту ступу говорить? Нам будет ступу нести тяжело, такая тяжелая вещь». А в деревнях, вы знаете, прозвища всегда очень точные, так вот мы с семьёй это женщины, этой Ступы, очень подружились, и она действительно, такая как из дерева точёная, у неё все черты лица такие твёрдые, и сама она по повадкам ну ступа. И мы приходим в этот дом, а она с печки слезает, и мы, как всегда, начинаем «Мы сотрудники Соловецкого музея, находимся у вас в этнографической экспедиции, мы собираем...» и так далее, и перечисляем всё. А она говорит: «Ну и что вас интересует?». Мы вспоминаем там то, сё... Я молчала-молчала, и говорю: «И ступа. Нет ли у вас старой ступы?». Я не знаю, почему я это сказала, а она как с печки слезала, так с неё чуть не свалилась. Я не знаю, что делать, Валентина на меня такими вытаращенными глазами смотрит, я уже думаю, кто меня за душу дёрнул, но вот она встала, предложила там старые

Е. Абрамов, А. Осипович, Е. Чебонюк, 1969

Продолжение на стр. 8

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 4, 5, 6, 7

ткани, одежду, а я снова: «И старую ступу». Ну, мы потом как-то договорились, потом очень подружились, она нас чаем поила, меня простила. Вот нам говорили что угодно, только не вспоминайте ступу...

Это хоть и очень интересно, но тяжело бывало, вот иногда поедешь нагребёшь, нагребёшь от жадности, и потом на себе всё это тащишь. Бывает и на плечах там эти прядки, в руках какие-нибудь горшки, и рюкзаки со всякими деревяшками. И большое бывает расстояние, и дороги....

Помню, когда я только приехала в Соловки, в монастыре по пояс

трава была, это, конечно, плохо, когда всё заросло травой, но такая размеренная жизнь, когда нет машин, одна на острове была машина, и мы никогда не закрывались, у нас не было замков, и у многих на острове. Вот у нас тут была такая Маргарита Михайловна, библиотекарь, интересная женщина. И вот приходит она раз с работы, заходит в свою комнату, а у неё на кровати лежит бич какой-то - тогда их было много, сборщиков водорослей, на лето приезжали, эти бичи, смотрят, а рядом ещё на столе арбуз лежит недоеденный. Так она подошла к нему, мягко так, интеллигентно, и говорит ему «Товарищ,

товарищ, вставайте, доедайте свой арбуз и уходите».

И вы знаете, был настолько вот лес чистый, мы ходили в лес, буквально где сейчас эти дома, вот на этом месте, где эти коттеджи, была берёзовая роща, причём красивая берёзовая роща, когда Лёша ещё маленький был, мы его в садик водили по тропинке между берёз и тут же цвела морошка.

Раньше и на экскурсии люди ходили пешком, тем более что у нас маршруты были удобные, туда на лодках, потом пешком до Секирной горы. Были пешеходные на Муксалму, и все были довольны всегда.

Светлана Анатольевна Гаврилова: «ИХ НАЗЫВАЛИ «МУЗЕЙНИКИ»...»

Музейщики это была такая особенная особенность на Соловках. Когда сюда приезжали молоденькие ёщё первые музейщики, мне казалось, что это были самые красивые люди. Они были другие, они одевались по-другому, они говорили по-другому....

Ну, вот даже чисто внешне, как они одевались, у них какая-то своя особенность была. Нарочито небрежно, я бы сказала, они всегда одевались... Они очень интересно разговаривали с людьми. То есть не так о чём-то бытовом, ну все встречаются село, деревня, всё равно это маленькое сообщество, и всё равно определённый стиль общения уже здесь есть. А вот они по-другому общались. У них какие-то другие разговоры были, и мне это было жутко интересно.

Мама, когда приехала сюда, работала сначала где-то на скотнике. Помнится по фотографиям, она такая молоденькая девочка с прутиком возле бычков. А потом, как только появился музей на Соловках, она пошла работать сюда смотрителем. И вот как она вспоминает, говорит: «Сейчас вам что, каждый занимается своим делом, своим узким делом, а в то время, когда только начинали работать, в музее было человек 5-6, в общем, очень мало. И мы занимались от директора до уборщицы все вместе. То есть, например, смотритель и уборщица

принесли дров, натопили печки, сели ядра чистить».

Никакие это не реставраторы, этим занимались девочки, ну не только девочки, там были тёти и постарше. Тётя Маша Боровикова работала в то время, Любовь Валентиновна Кузнецова. И они садились чистить ядра, маркировать эти ядра. То, чем сейчас занимаются реставраторы, в то время этим занимались смотрители, которые топили печки, мыли полы, и как только всё это заканчивали, тут же садились чистить, помогать.

(...) Большая часть населения тогда была - военная часть, и небольшая часть была - музей. И он тогда не был самым важным. Музей был так, между прочим. И я хочу сказать, что это у меня было восторженное отношение к музейщикам, потому что там работала мама, ко мне все очень хорошо относились. Потому что я была одно дитё, ну были потом дети, попозже появились, маленькие, но они маленькие, с ними ёщё не поговорить. Я же с детства была разговорчивая, со мной было интересно взрослым. И со мной дитёшками там, и мне поэтому, наверное, они были так симпатичны.

А местное население на музейщиков смотрело свысока. Их называли «музейники», «с причудью», потому что они были не такие, они были непонятные. Чем они занимаются,

какие-то полуголодные, тощие, в каких-то... Я говорю, одевались иначе. Они одевались иначе, потому что могли надеть какой-то совершенно драный свитер, который вот... не знаю, ну бомжей в то время не было, но даже самый такой негодящий хозяин на себя такой свитер не наденет, а у них это с шиком носилось.

Ну, вот например, из тех старых сотрудников я не вспомню, кто ходил в драном свитере... А позже, позже Черенков одевался очень «изысканно» - ну в этом смысле, но это уже совсем позже. Потом был такой Пантюшин, тоже одевался своеобразно были у него какие-то из заплаты в заплату. Но это носилось с шиком. Это не то что мне надеть нечего, я хожу так. Какие-то валенки, на валенках причудливые заплаты. Наверно, для местных жителей это действительно было ну вот чудят ребята. Зарплаты-то были смешные, конечно. Мама мне всегда говорит: «Вот, вы сейчас

Продолжение на стр. 9

Наши люди

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 8

жируете, жрёте такие деньги, а я вот 60 рублей получала, когда работала». Вот такая зарплата была примерно. Я не думаю, что намного отличалась зарплата у научных сотрудников от тех же смотрителей. Разница была очень небольшая.

В детстве, я помню первого директора музея Светлану Васильевну Вереш. У меня какое-то странное о ней воспоминание, я её не сама по себе помню, я помню её комнату, она жила в Благовещенском корпусе на третьем этаже. И у неё, у единственной, был порог перед её комнатой. В комнате пахло лаком для ногтей. Мне жутко нравилось! Прямо такие нюхательные впечатления очень сильные. И я помню, у неё шикарная гора конфет, которые я видела только на празднике: «Мишка косолапый», «Мишка на Севере», «Красная Шапочка», «Незнайка»... И мне было разрешено есть столько, сколько я хочу. Это был праздник, и вот это было самое сильное впечатление.

Потом очень мне нравилась Людмила Васильевна Лопаткина. Она тогда была Лопаткина, позже она стала Шилова. Она мне нравилась тем, что вокруг неё всё крутилось. То есть, её, с одной стороны, сотрудники побаивались, но с другой стороны, она появлялась, и вокруг неё, как вокруг Динамо-Машины, начинало всё... Куда-то все бегут, куда что... Мне со стороны наблюдать было жутко интересно, как это всё, она только идёт, а вокруг неё всё начинает распространяться, такие волны-волны-волны. Вот.

Кого я ещё помню... Конечно, тех, кто со мной разговаривал больше всего, это молоденькие сотрудники. Я помню Таню Кольцову, у неё огромные синие глаза. Я просто смотрела, необыкновенные синие глаза, ярко-синие. Помню роскошные рыжие волосы Тони Сошиной.

В. Скопин и
Т. Кольцова

Помню... они жили вот в этом Новобратском корпусе, дров у них не было, и никто их не обеспечивал. Ну попробуйте протопить монастырское помещение каменное. И девочки таскали отовсюду эти доски и ломали... пилы нет, ничего нет, кто им всё это будет делать... И вот они прыгали на этих досках, с визгом, с хохотом, и я вот это помню, она прыгает, а у неё шикарные волосы рыжие, и вот она на этой доске прыгает, хохочет... Тоня Сошина. Вот я её так помню.

Я помню Ольгу Семяшкину, которая сейчас Шапошник, сейчас она сильно изменилась... Она такая была вот... очень интересная девушка, очень живая, но она городская была, она другая была. Ну вот... сейчас бы сказали, что-то аристократическое в ней было такое. Они все были разные, но жутко интересные.

Музейщики эти первые жили в Новобратском корпусе. С центрального входа жили музейщики, а с торца реставраторы. И я помню, вот тоже впечатление детское, когда приходила к ним, и мне ужасно нравился интерьер их комнаты. Эти заправленные клетчатыми одеялами или пледами кровати-топчаны. У них ведь мебели никакой не было, просто стояли топчаны, какие-то такие столы непонятные, вместо стульев чурбаки, коряги. Везде какие-то фотографии висели. И мне это жутко нравилось. Я вот тогда всё время думала: «Я вот выросту, буду так жить». Такой вот музейный стиль. Такой, как бы сейчас сказали... немецкий стиль. Никаких там

занавесочек, никаких там скатёрочек. Всё лаконично, просто, но мне это нравилось.

Я, кстати, в музее работала с 14 лет, ну это как бы, наверное, было неофициально, тогда трудовых не заводили на детей. Я работала смотрителем, рядом с мамой сидела и караулила наши предметы и грозным голосом говорила: «В экспозиции предметы руками не трогать», - нравилось взрослым это говорить... «Не подходите близко к витринам!»...

Где-то наверное в 82 году, я пошла работать в музей по-взрослому, сначала смотрителем, потом делопроизводством занималась... Тогда директором был Востряков Лев Евгеньевич.

Вот я у него уже и работала. Будучи смотрителем, я работала в фондах, помогала чистить и маркировать ядра, продолжая традицию мамы. Потом научилась печатать на машинке. На «Москве», я помню, печатала. Карточки какие-то надо было перепечатывать из какой-то книги. Потом, как человека, обладающего врождённой грамотностью, директор, Лев Евгеньевич, пригласил меня делопроизводством заниматься. Я секретарём работала.

Очень любил меня Критский Юрий Михайлович, и я его очень любила. Личность вообще потрясающая. Совершенно необыкновенный человек. За что он меня любил, я прекрасно понимаю... Он писал это что-то жуткое, это даже не китайские

Продолжение на стр. 10

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 8, 9

иероглифы. Это вот так вот двумя руками крутить [показывает], и то не разобрать. А я терпеливо разбирала его каракули, не крича там, не топота ногами, сидела, пыталась обвести что же это может быть. Но всё-таки печатала его вот эти штуки. А мне он нравился за то, что он взрослый человек, но как ребёнок. Настолько непосредственный, настолько необыкновенный...

Один раз совершенно потрясающая картина была. Был праздник 9 мая, и нас как всегда директор собрал в своём кабинете коллектив музея, поздравить, какие-то слова сказать. И был у нас тогда сотрудником музея, зам по АХЧ, наверное, Пётр Фомич Свидлов, здоровенный дядька. Он бывший десантник, он в войне участвовал. Все какие-то тёплые слова ему говорили. И когда заговорил Критский, у него просто слёзы были на глазах, он говорит: «От имени детей войны я вот хочу Вам сказать...» И он сбивался, но настолько проникновенно какие-то слова говорил. Не помню общий смысл, просто «от имени мальчишек войны, мы говорим вам, сделавшим эту победу, большое спасибо». Я просто до сих пор эту картинку

помню. Он, вот такой больной старый человек говорит, причём, этот Пётр Фомич выглядел даже лучше, чем сам Критский. Со здоровьем-то у него не всё в порядке было, и вот он так... Сильно.

Праздники в музее были здоровские. Людмила Васильевна умела сделать праздник для сотрудников. У неё это получалось классно! Коллектив маленький, но весь коллектив от директора до уборщицы, собирались и праздновали и дни рождения, и государственные праздники. Я, например, вспоминаю Новый год, когда продвинутые музейщики решили порезвиться, развлечь музейных детей: какие-то шубы надели, какие-то маски. В общем, решили показать нам деда Мороза продвинутого, каких-то гномов страшных. Дети в результате перепугались, заорали, вот. Мне тоже жутковато на них было смотреть. А им было очень весело! То есть такие между собой чики, свадьбы музейные это было здорово. Вот, Шапошники женились как раз в музее. У меня просто у родителей даже фотография есть. Я, естественно, на этих свадьбах не была, но по фотографиям разглядывала, гуляли весело. Эти свадьбы праздновались прямо в музее. Дни рождения вместе отмечались.

Когда я была маленькой, меня на такие тусовки, конечно, не брали. А вот позже, когда я уже пришла работать в музей, там были такие замечательные молодые сотрудники, Пантишин, например. Он потрясающий человек был. Он ходил и всех смешил, всё время какие-то такие фразы говорил. Это, по-моему, московские ребята, вот картинка

перед глазами стоит, а уже фамилии и имена не вспомню. В общем, замечательные ребята, молодые все, такие живые и энергичные.

Я помню, один из них пришёл, у меня уже свой телевизор был, и что-то в нём полетело. Я пригласила мастера, который взял с меня сто рублей, а телевизор так и не починил. Я тогда обратилась к Андрюше (фамилии не помню), а он как-то с физикой дружил. И я говорю: «Посмотри мне телевизор». Он пришёл и сделал мне телевизор. Я говорю: «Давай я тебе денежку дам». А он: «Я ж тебе не телемастер. Вот молочка нальёшь...» Это я очень хорошо запомнила. Я ему: «Конечно! Давай я тебя молоком напою!» Он выпил стакан молока и говорит: «Какие там деньги, Свет, ты о чём говоришь?» Вот это были наши такие музейные ребята.

Людмила Васильевна Лопаткина

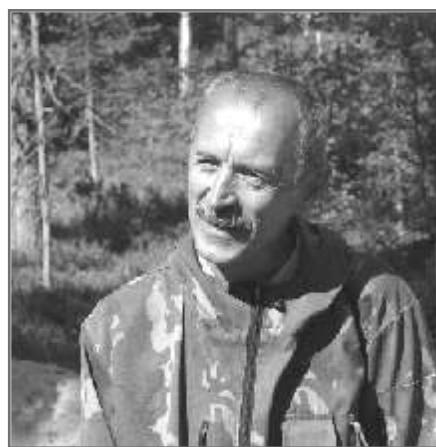

Александр Яковлевич Мартынов: «О ТОПОГРАФИИ НОВОБРАТСКОГО КОРПУСА В ЛИЦАХ»

Первое впечатление о Соловках оно же лето 71-го года,- как видите очень старое. На 3 курсе истфилда я был приглашен тогдашним директором Соловецкого музея Людмилой Васильевной Лопаткиной поработать здесь экскурсоводом. И первый раз прилетел на Соловки.

В то время каждая поездка на Соловки почти приключение. Во-

первых, это многочасовое, а иногда и многодневное, ожидание в Кегострове погоды для Ан-2. Во-вторых, полуторачасовая болтанка. Воздушная яма и сердце подскакивает прямо до горла. Вываливались оттуда полужелтыми - полузелеными. На подлете к Соловкам сверху, если удавалось что-то разглядеть, можно было видеть много воды,

Продолжение на стр. 11

Наши люди

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 10

невероятное ощущение для новичка. Я человек сухопутный, поэтому испытал изумление от того, что первый раз увидел море.

Затем музей, и впервые жизнь в келье. Маленькая, узкая, длинная келья, на втором этаже Новобратьского корпуса, и поразившие меня, невероятно широкие подоконники, которые я очень полюбил они функционально были очень удобными. На них можно было посидеть, забравшись с ногами, положить на них сколько хочешь книг, можно было сделать подоконник обеденным или рабочим столом и так далее.

Дальше очень правильная, на мой взгляд, подготовка экскурсоводов тогдашних лет, очень жесткая. Давалось от 3-х до 5 дней для того, чтобы всю информацию по обзорной 3-часовой экскурсии выучить и сдать. Давались книги, текст экскурсии, написанный директором и методические разработки. Помню сурово-требовательное выражение лица Людмилы Васильевны, когда она принимала у меня зачет. Затем пара-тройка экскурсий, во время которых я, как положено, наломал немало дров. Потом очень придирчивое прослушивание и очень жесткий анализ. А дальше полтора месяца экскурсии: Кремль, Большой круг, Переговорный камень... По 2-3 экскурсии практически каждый день. Хорошая школа! Работой нашей в то время руководила Серафима Александровна Левкина.

Помню еще один сюжет это мои безуспешные попытки в течение лета разбить филипповский кирпич. Я сразу же узнал, что он самый прочный, нашел нечто похожее на филипповский кирпич, в укромный уголок за Новобратьским корпусом его утащил и время от времени приходил туда с разным инструментом. Но у меня так ничего и не получилось.

Самое сильное впечатление от Соловков в первое мое лето здесь это ощущение остановившегося времени. В особенности, когда приходилось выходить на ул. Заозерную, которая в ту пору состояла в основном из бараков, еще не обшитых. На месте одного из лагерных магазинов (на той стороне, где кафе) тоже стояли бараки, в одном из которых находился клуб,

куда мы ходили по вечерам смотреть кино. Казалось, что время остановилось везде: и в келье, и в центральном дворе, где здания были не отреставрированы, и в посёлке, и в скитах. Многое было в том виде, какой остался с лагерных времен.

Конечно, наиболее памятные для меня воспоминания связаны в первую очередь с археологией. Сезон 71-го года был очень интересен. Разведка на Анзерский остров и раскопка каменных насыпей, когда мы нашли с Анатолием Александровичем Куратовым остатки погребального костра. Вообще лето 71-го года было невероятно насыщенным самыми разными событиями.

Ну а воспоминаний первых лет постоянного проживания здесь, начиная с 78-го года, очень много, они, пожалуй, тянут на добрую главу книги.

Раздумывая о том, что из сюжетов того времени было бы интересно услышать сейчас, я решил остановиться на «топографии» Новобратьского корпуса. Конечно, я помню далеко не все, поэтому то, что написано ниже, следует воспринимать как приглашение к разговору, который могут продолжить все, кто жил в Новобратьском в 1970е - начале 1980х годов.

Сейчас основное рабочее время музейных сотрудников проходит в Новобратьском корпусе, а в то время он, как известно, был жилой. Это был корпус для новой «братьи» Соловецкого музея-заповедника, т.к.

все приезжающие работать сюда селились именно в Новобратьском. И экскурсоводы жили в Новобратьском, а летом приезжали еще командировочные, реставраторы, гости. Это был самый веселый и наиболее населенный в те годы корпус.

Первый этаж Новобратьского корпуса, где сейчас у нас издательский центр и служба охраны, зал лекционный и т.д. был занят, в основном, дровяниками. Туда можно было заходить и в двери, и в окно. В некоторых комнатах были полы, в некоторых пол был земляным.

Второй и третий этажи были населены музейщиками. В западной половине 2 этажа, в самой крайней комнате, где сейчас кабинет директора, жил Юрий Михайлович Критский, сейчас фигура во многом легендарная, непростая. Критский производил очень яркое впечатление прежде всего своим выразительным внешним видом. Новых сотрудников он обычно брал под свою опеку. Водил нас в собор и на Колокольню, где рассказывал о разных неведомых нам вещах. Самой яркой особенностью Юрия Михайловича было то, что он очень заметно выражал свои чувства, т.е. если уж кого-то любил, то всячески помогал в работе, выражал человеку расположение.

Но если кого-то не любил, то этому несчастному можно было посочувствовать. Устойчиво он не любил отставных военных, поэтому случались разные трагикомические

Продолжение на стр. 12

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 10, 11

истории между ним и этими сотрудниками. По своим знаниям Критский на голову был выше всех нас, к нему за разными консультациями обращался едва ли не весь музей. Еще одно воспоминание, связанное с ним это постоянно сопровождающая его собака по кличке Малышка. Эта собака была неотделима от него, это была своего рода пара Критский и Малышка. В конце 70-х годов Юрий Михайлович Критский был заведующим научно-экспозиционным отделом. Поскольку он был бывшим университетским преподавателем, то некоторые методы работы со студентами перенес на музей. Одна из его затей доска хохм. Она была в нашем научно-экспозиционном отделе, на ней размещалось все самое смешное, что удалось где-то услышать или прочитать: от анекдотов, которые печатались в то время в газетах, до каких-то нами придуманных хохм. Например, мы писали друг на друга эпиграммы, иногда весьма остроумные. Но самое занятное обычно предлагалось Критским и, как правило, это было связано с машинистками. У него был ужасный почерк, поэтому все свои труды он давал печатать машинисткам. А они были не очень сильны в исторической терминологии, поэтому часто делали опечатки, иногда очень забавные. Помню, однажды появляется в отделе Критский и прикальывает на доску

очередной перл. Это был кусок информационной справки. Справка касалась военных лет. Белое море, там наши моряки сражаются с фашистами. И была такая фраза: «Советские катерники в 1942 году потопили столько-то вражеских кораблей». Напечатано же было: «Советские каторжники ...» и дальше по тексту. Второй сюжет был покруче, он говорит о некоторой политической смелости Юрия Михайловича. Текст был такой «С точки зрения марксистко-ленинской методологии этот вопрос решается так-то и так-то». Машинистки написали: «С точки зрения марксистко-ленинской мордодологии...» Эта доска оживляла нашу часто засыпавшую аудиторию.

Но возвращаюсь к Новобратьскому корпусу.

В центре западного ряда келий жила Татьяна Кольцова- зам. по науке, для нас, новичков, лицо почти официальное. Ее окна выходили на подклет Михаила Архангела Спасо-Преображенского собора. Рядом с ней - Вера Кондратьева, моя однокурсница и кто-то - уже не помню - еще. В восточном ряду, напротив Критского, в двух кельях жили два будущих директора музея: Лев Евгеньевич Востряков и Михаил Васильевич Лопаткин с семьей. Дальше следовал совершенно неудобоваримый туалет прямого падения, а за этим туалетом была моя келья. Она была, наверно, самая маленькая, узкая, сейчас в ней находится одно из самых нужных помещений для сотрудников музея касса. В этой келье собирались новые сотрудники, приехавшие на Соловки именно в 78-м году. Александра Штуца, ныне широко известная дальневосточная писательница и поэтесса, Наталья Твердохлебова, Володя Николашин, Коля Федоров. Володя Шапошник иногда приходил. Эта компания обычно собиралась по вечерам, и все занимались чем хотел. Саша фломастерами рисовала портреты, несколько штрихов абсолютно передавали образ человека. Особенно ей удавались портреты Володи Николашина, за которого она потом вышла замуж, и Левы Вострякова. Наталья Твердохлебова снимала всю нашу компанию, раскладывала пасьянсы. Меня в то время одолел

Л. Литвинов

эпистолярный суд, как мы это тогда называли, я писал серию историко-этнографических очерков о родном Устьянском крае, опубликованных позднее. Но самое интересное заключалось в том, что в лагерное время в этой келье жил Д. С. Лихачев. Рассказал об этом кто-то из старых сотрудников, а в 1979 году в Пушкинском доме я смог с Дмитрием Сергеевичем познакомиться и в разговорах с ним упомянул об этой келье. Когда я описал ему, где она находится, то Лихачев подтвердил, что это действительно та келья, попросив при этом не особенно распространяться на сей счет.

В келье, где сейчас располагается отдел фондов, раньше жил фотограф Николай Федоров. Коля Федоров был всеобщим любимцем, в те годы это был человек необходимый очень большому количеству людей. Он был совершенно бесконфликтный, друг всех музейщиков и мастер на все руки. В ту пору характерной особенностью всех проживавших в Новобратьском корпусе было то, что ни у кого не было никаких кроватей, только топчаны. Даже формула такая была: «Топчан и рюмка водки всегда ждут тебя в келье Новобратьского корпуса». Так вот, Коля Федоров был и фотографом, и столяром, и плотником. Поэтому основная часть топчанов в Новобратьском корпусе, в том числе и мой, были сделаны руками Николая Степановича. Еще он поражал нас способностью снимать и очень быстро выдавать фотографии, а тогда сделать фотог-

Продолжение на стр. 13

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 10, 11, 12

рафию это был весьма долгий процесс проявки, печатания, глянцевания.... Лаборатория у него была в Святительском корпусе, эта лаборатория просуществовала много лет. После него там работал еще и Артур Васильевич Пудов, и Юра Гендлин.

На третьем этаже, в самой большой келье, где сейчас находится научная библиотека, жила семья Шапошников. Эта келья была перегорожена на 2 части, а во временной стене Володей Шапошником была сделана, как мы ее называли, «китайская дверь». Это была такая передвижная дверь, состоявшая из рамы и байкового одеяла, которое очень плотно было на нее натянуто. Она делила келью на две комнаты: холодную и теплую. Холодная комната была кухней, столовой и прихожей одновременно. Вторую комнату обустраивали как Бог на душу положит. Вот в эту самую келью после того, как был сдан музейный дом на Заозерной в 1979 году, и основная часть музеевщиков переселилась туда, поселили нашу семью. Там мы прожили до 1983 года. Эта келья была совершенно замечательной. В теплой комнате были сделаны и детская, и спальня, и даже рабочий кабинет с видом на Спасо-Преображенский собор.

Напротив, в самой крайней комнате третьего этажа жил очень интересный парень Леня Литвинов, отставной мичман Черноморского флота из Севастополя. Человек совершенно книжный, погруженный всегда в чтение. Это был, пожалуй, единственный человек в Новобратьевском корпусе, которого можно охарактеризовать следующим образом. Подтянутый, строгий с виду, сдержанный в словах, всем своим видом выражавший понятие «офицерская косточка». А самой запоминающейся в его келье была все увеличивающаяся в углу куча мусора. Дело в том, что он никогда не мыл пол, только подметал его, заметая сор в угол и убрав этот мусор, наверное, всего один раз, когда покидал Соловки. Но человек он был очень интересный, я с ним много общался.

Какое-то время в конце коридора Новобратьевского корпуса проживал Игорь Запорожец. Яков Петрович

Кошелев тоже жил в этом корпусе. Это были два очень интересных журналиста, один из них занимался историей монастыря, а второй - юнгами. Игорь Запорожец - автор одной из экспозиций, посвященных юнгам.

Каждое лето в Новобратьевском корпусе набивалось очень много народа: искусствоведы, архитекторы, все бригады, которые приезжали сюда и занимались обмером памятников, проектировщики, реставраторы, экспедиции различные. Летом белые ночи, постоянно хлопали двери, все собирались у самовара, разговаривали.

С Новобратьевским корпусом связаны и все самые интересные и дорогие знакомства тех лет.

Самая запомнившаяся для меня встреча, которая потом переросла в крепкую дружбу, произошла летом 79 года - с Юрием Ильичом Гальпериным, зав. лабораторией института космических исследований, профессором, доктором наук. Совершенно неординарный, очень интересный человек, который много лет вместе с французами проектировал космические корабли. Он приехал на Соловки в 79-м году с целью найти здесь место для обсерватории, которая бы занималась изучением северного сияния. Что-то потом не сложилось. Видимо, это была встреча, которой нельзя было избежать. Мы шли с женой по монастырю, а на встречу шел необыкновенно красивый человек. Мы зацепились взглядом и заговорили. С тех пор и до его самой смерти дружили, все время только у него останавливались в Москве. И он к нам приезжал. Еще один необыкновенный человек это второй режиссер театра Комиссаржевской Валерий Степанович Суслов, тоже уже покойный. Эта встреча произошла в те же дни, что и предыдущая. А

через год мы их познакомили, и они подружились Гальперин и Суслов. Тоже необыкновенно интересный человек, режиссер во всем, который всех строил, всеми командовал, но никогда никому от этого не было плохо. Он кстати привез с Анзерского острова знаменитую фибулу, а я благодаря этому потом раскопал погребение королянина XII-XIVвв.

Еще одна встреча, запомнившаяся мне очень ярко, - с Густавом Александровичем Богуславским, автором той самой книги «Острова Соловецкие», которая сыграла большую роль в привлечении внимания к Соловкам. В ту пору эту книгу ругали за ошибки. С Богуславским была встреча, на которую кроме меня никто, к сожалению, не пришел. Мы с ним 3 часа проговорили сначала на берегу моря, потом в Новобратьевском, причем говорил преимущественно он. Очень жаль, что я сразу по памяти не записал то, что он мне рассказывал. А рассказывал про Государеву дорогу по которой только что прошел.

Екатерина Николаевна Заварзина: «...БАЛЬЗАМ НА ДУШУ, КОГДА ВСПОМИНАЕШЬ»

Я пошла работать в музей в 1976 году. В то время как раз секретарь-машинистка уволилась. Меня взяли на ее место, это было в сентябре. Вот скоро уже 31 год, как я здесь работаю. Все мы работали в Настоятельском корпусе. Нас вообще за странных считали. Те, кто работали на агаровом заводе, считали себя ведущими.

Сотрудников было мало. Все отделы располагались в одной комнате. По середине комнаты была печка: за печкой была резиденция Симы Левкиной библиотека. А в другой части помещения был экскурсионный отдел, секретарь-машинистка сидела, здесь же сидел зам. директора по АХЧ. Отдельно был научно-экспозиционный отдел, где Шилов работал. Фонды были, в которых одна Антонина Сошина работала.

В тот год, когда я поступила на работу, стал расширяться штат: Лопаткина Люба пришла, Григорьева Галина, которая сейчас очень известный реставратор по тканям. Директором музея тогда была Лопаткина Людмила Васильевна. Она была такая строгая. Все ее боялись, очень боялись. Дисциплина была железная. Она руководитель от

природы. А потом я поняла, что она еще и очень хороший человек. Когда у нас отмечались дни рождения в коллективе, она всегда сидела во главе стола, такие речи говорила!!! Здорово очень было разговаривать с ней во внебоевой обстановке, попростому. Но на следующий день все: она директор. И все это понимали, держали дистанцию.

Сима Левкина была тогда молодой, хорошей, все у нее собирались. В библиотеке пили чай, был чайник, и все из дома приносили, кто что может. Вели всегда очень душевые беседы. И уборщицы, и экскурсоводы все прибегали погреться в перерывах. У нас выходила газетка «Соловецкие звоны», Шапошник ее выпускал. И там как раз было написано о том, как мы проводим время у самовара. Т.е. всегда все были вместе, все про всех всё знали. Работали мы с 9 до 6. В 6 часов шли в садик за детьми. Был один выходной (понедельник).

Мне запомнилось, как мы отмечали Новый год. Для музейщиков устраивали специальный праздник, никого больше не пускали. Было так весело, бальзам на душу, когда вспоминаешь. Один раз на восьмое марта мы прямо в коридоре сидели, в

Святительском корпусе. Весь коридор был уставлен столами, проводили конкурсы всякие, поздравляли нас. У музея всегда все весело проходит.

Еще мы отмечали День работников музея, 18 мая. Лопаткина заранее посыпала работников из АХЧ, они приготавливали кострище. Мы шли туда, сидели на воздухе и просто веселились. Собирались на природе, в разных местах: на Переговорном камне, и ближе, и на Савватьево.

Еще помню один очень интересный Новый год. В Святительском корпусе, где сейчас диспетчерская, стояла елка, было много детей и взрослых. Мы там плясали, играли было очень весело. Помню, в Петербургской гостинице Елка была хорошая. И внуков уже водили туда. Последние елки как-то не очень запомнились. Они проводились в школе, там много детей посторонних: своих-то как-то и не видно. Раньше мы детей наряжали: костюмы готовили.

Все сотрудники жили в Новобратьевском. Мы его еще звали «Новобрачным корпусом», потому что там много семейных пар музейных создалось. Было там и холодно, и всяко было.

Когда я приехала сюда, мне показалось, что здесь рай земной. В деревне, из которой я выехала, уже год ничего не было: ни тушеники, ни яиц, ни сметаны. А здесь полки в магазинах ломились: фарш колбасный, фарш сосисочный, конина, свинина и такая, и пряная, говядина. Туристы просто сетками все отсюда везли. Я еще думала: зачем им столько продают, попридержали бы

Общая фотография. 1970-е годы

Продолжение на стр. 15

Наши люди

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 13, 14

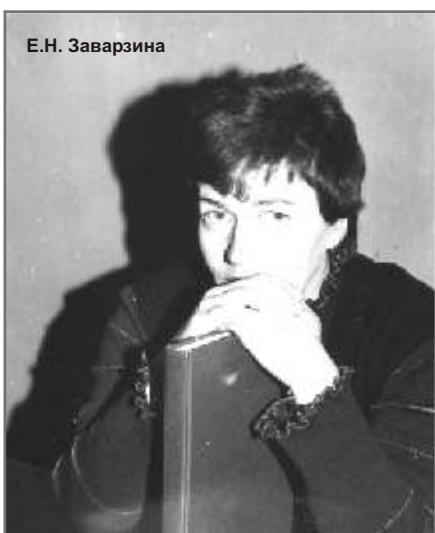
для себя продукты. А потом так и случилось. Прибежала Маша Новикова (мама Светы Гавриловой) и говорит, что в магазине заканчивается свинина пряного посола. Мы пошли, взяли еще несколько банок, тогда уже в руки давали. А потом по талонам стали выдавать. Сметану привозили бидонами. Мы как узнавали, сразу очередь занимали. Лопаткина ругалась все время, что мы бегаем с рабочего места.

Экспозиции все делались силами работников АХЧ. Я помню, ездила в командировку в музей-усадьбу Коломенское за резьбой, которая сейчас в составе иконостаса Благовещенской церкви. Были еще Кольцова и Фокин, так вот Фокин ездил со своей фанерой, рейками, молотком и т.д. Сразу мы там все упаковывали в ящики.

Были субботники. Мы на них освобождали помещения от завалов, грязи, досок. Дрова укладывали. Уборкой территории занимались. Мы все с удовольствием ходили на субботник, работали на свежем воздухе.

У нас многие научные сотрудники ездили в экспедиции по всему побережью Белого моря. Привозили предметы быта, иконы, одежду. Как раз на основе привезенных вещей Григорьева и составляла каталог одежды. Сохранились очень интересные записи и дневники. У Шилова Николая Ивановича очень интересный дневник. Он стоял практически у истоков музея. Основу его дневника составляют воспоминания уже пожилых людей, которые в детстве были на Соловках.

Е.Н. Заварзина

Летом, конечно, в основном была экскурсионная деятельность. Сюда приходила куча теплоходов, которые стояли и на рейде, и у причала. Турбаза работала. Очень много было народа. Сима Левкина со всем этим одна управлялась. Раньше путевки были дешевые, более доступные. Всякие ездили: и богатенькие, но в основном это был рабочий средний класс. Приходили туристы, в основном, на пароходах. Они ходили из Архангельска, Северодвинска, Онеги, Беломорска. И самолеты летали каждый день, да еще и не по одному рейсу.

Одно время на Соловках зимний туризм был развит. Туристы жили в гостинице, у них были походы на природу на лыжах. Но ведь у нас погода непредсказуемая. Поэтому были проблемы с тем, чтобы вовремя сюда прилететь и улететь отсюда. Например, у людей были забронированы билеты из Архангельска в Москву или Ригу, да и в гостинице у них белье уже собрали. А самолет не полетел. Им приходилось где-то снова место искать, деньги лишние тратить, и на стыковочный рейс пропадает бронь. Поэтому зимний туризм и замер.

У каждого научного сотрудника в плане стояло, что он должен отводить определенное количество часов экскурсий. Все сотрудники водили экскурсии: сотрудники экспозиционного отдела, фондового отдела. К тому же было очень много экскурсоводов-внештатников. В основном, они приезжали из Архангельска.

Многие до сих пор приезжают, как Галя Мехнина. Ведь она студенткой начинала, а сама соловецкая. В Архангельске училась в пединституте. Я ей на своей старой машинке печатала диплом по юнгам, очень хороший диплом получился. Машина на весь музей была одна, на ней печатались от всех отделов бумаги. Галя уже на пенсии, но приезжает сюда экскурсии водить. Мне очень нравился один экскурсовод Анисимов Юра. На вид он не внушал ни доверия, ни уважения, сам был грязный, в рваных джинсах. У него волосы торчали в разные стороны, нос был красный, попивал, видимо. Но как он водил экскурсии!!! Когда раньше пароходы приходили, на группу на 2 дня ставили одного экскурсовода. Первый день он водил в Кремль, на Переговорный, а во второй по кругу каналов. И вот когда он приходил во второй день, его группа выстраивалась и отдавала ему честь. А как он ездил в командировки! Ездил он зимой собирать экспонаты, и вроде ничего не привезет, но как начнет рассказывать... В дневнике написал, что просил бабку отдать какой-то экспонат, она не соглашалась. Тогда он купил бутылку: уговорил и бабку.

Очень любили экскурсии по озерно-канальной системе. Раньше и лето как-то теплее было на Соловках. Когда у нас открывался сезон, а зав. экскурсионным отделом тогда была Пасечник Татьяна Владимировна, она стояла на трибуне и

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 13, 14, 15

говорила речь. А все туристы за ней произносили клятву туриста, которая была составлена на старинный лад. Мы стояли с рушниками, с хлебом испеченным, а на воротах стояли стрельцы с бердышами. Антонина все думала, как бы эти бердыши не потеряли. Группа какая-

то приезжала и плясала на горушке у Никольской башни. Вот так сезон начинался.

А погода разная была: и жарко, и холодно. Я помню в начале сезона, 28 мая, у меня была группа из Юрмалы. Они заказали экскурсию по Большому кругу и шли все в купальниках. Спрашивали меня: «У

вас всегда так жарко?». А на следующий год в конце мая приехали туристы, у них путевка была заложена по Малому кругу каналов. А у нас еще на льду Святого озера рыбаки сидели.

Раньше мы молодыми были, ничего не боялись, все нам хорошо казалось.

Любовь Валентиновна Кузнецова: «У НАС МУЗЕЙ БЫЛ КАК ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ»

В 68 г. мы приехали, в сентябре, в 70-м я устроилась работать в музей. Тогда с работой было очень трудно, здесь же был военный городок. И столько тут было и офицеров, и всех желающих много. Работы не хватало. Я устроилась в музей, как смотритель, но реально занималась абсолютно всем. Мы как уборщицы и полы мыли, и реставрировали даже, и в библиотеке книги клеили, и в залах стояли смотрителями. Тогда нас в музее вообще было 7 человек. Вот, значит, Серафима, библиотекарь, она всю жизнь работает, нас, смотрителей, трое было Новикова, Боровикова и вот я, вот это самое начало, и научны сотрудники: значит, Шилов был, завфондами Антонина Сошина, и директор Людмила Васильевна. Потом еще Смирнов такой по хозяйственной части. Он все дрова заготовливал. Но мы вообще не

различали... Вот привезут нам дрова, мы не разбираем, кто там директор, все дрова складываем. То есть у нас музей был, как одна большая семья.

Так же реставрировали. Людмила Васильевна нам показывала, так и так скажет, надо вот скальпелем только чуть-чуть и говорит: «Пойдем на пекарню, возьмем закваски, самовар облепим, и он так блестеть будет, и шары эти вот тоже». Жили очень трудно и вот так вот и работали.

А я связана с музеем и с лодочной, считай, всю жизнь. Вот, помнится, когда я работала директором турбазы, то лодочная была в подчинении турбазы. На турбазе был пункт проката. У нас все выдавалось: штурмовки, сапоги резиновые, кастрюли миски, ложки. Ну, тогда это все вообще копейки стоило.

Л.В. Кузнецова

Вот группа собирается на маршрут, тогда ведь не было таких вот стыковок, собирается на Большой круг, и это все берет. Идут на целый день. Проводят экскурсию на Секирную гору, и обратно, вечером. К вечеру они возвращаются. И также Малый круг. Было 8 человек в штате, и лодочники, и спасатели. Лодки были сначала деревянные, а потом, в 80-е годы, мы закупили пластиковые. Потом, значит ликвидация организации, оставили только лодочную.

Летом я устраиваюсь сюда. Я уже без этой природы не могу. Смотрите (показывает на окно), вот у меня телевизор, вот это телевизор! Вот мне все говорят: «Что по телевизору?». А тут и уточки, тут и болото, тут вот я все вижу, кто плывет и приплывает, и вот мой телевизор. А что я, там, в городе? Во-первых, не знаю на каком этаже. Выглянешь дома все новые, деревья еще не выросли, одни машины, одни дома. А я привыкла к природе, мне уже вот... Я уже не могу.

Борис Николаевич Орунов: «НАША ЦЕЛЬ БЫЛА – СПАСТИ МУЗЕЙ»

По образованию я технарь. Окончил Архангельский лесотехнический институт. На Соловки приехал в 1987 году. До этого 20 лет отработал в Архангельске. А здесь я сначала работал главным механиком на ПМК, пока не начался строительный развал. В 91 году ПМК зашел в тупик, а меня пригласили главным инженером в ПЖКХ. И с 91-го по 95-й я работал в ПЖКХ.

В музей я пришел случайно в 1995 году. До этого Мартынов меня приглашал, но я все время отказывался. Вообще 90-е годы очень тяжелые были. А в 95-м году все оборудование в музее стало ломаться, котел полетел, мерзли, дров не было. Музей тогда стоял на областном бюджете, был в бедственном положении, но я в него пришел. Во-первых, потому, что я хорошо знал директора А.Я. Мартынова. Во-вторых, надо было разобраться с котельной. Когда я пришел к Мартынову, а в то время администрация музея находилась в Петербургской гостинице, там было очень холодно. Сам Мартынов сидел в пальто, в шапке.

Через два месяца у Мартынова случился инфаркт, он надолго ушел. И 3 года мне пришлось руководить музеем, можно сказать попал с корабля на бал. Числился я как исполняющий обязанности директора, а Мартынов все время был в больнице. У Александра Яковлевича состояние здоровья было очень плохое, и мне пришлось тут за двоих работать.

Было очень трудно. В 96-м году задолженность по зарплате у областного бюджета доходила до 6 месяцев, а из Комитета культуры только приходили распоряжения уволить 17 человек, 20 человек, - вот такие цифры.

Однажды я собрал коллектив и сказал о том, что вот еще 17 человек надо сократить, а нас уже 57 оставалось. Я уже не знал, кого еще увольнять, в каждом отделе по одному два человека оставалось. Тогда коллектив решил, что мне нужно ехать к губернатору. И вот я приехал, но глава администрации

отсутствовал, и я пошел к его первому заму Личутину Аркадию Федоровичу. Он раньше был генеральным директором Соломбальского ЦБК, на котором я очень долго работал, т.е. он - мой бывший начальник. Он меня, можно сказать, с детства знает: я после распределения попал работать на ЦБК и проработал там 18 лет. Так вот я ему рассказал про нашу ситуацию. А он мне говорит: «Областной центр лежит на боку, предприятия стоят, мы не знаем, как спасти Архангельск. Денег нет, и не будет. Мой тебе совет - собирая коробки с коллекциями, и готовь их к отправке в Краеведческий музей. По всей видимости, выйдет постановление о закрытии». Я ему ответил: «Такого не будет. Мы уже в ЮНЕСКО пробились, поднимем мнение мировой общественности». Но не вышло никакое постановление, конечно.

Приехал я из Архангельска и стал решать проблему с отоплением. У нас с годами перед ДЭС задолженность накопилась большая. И электричество у музея отрубили полностью. Я у одного предпринимателя купил электростанцию военную и установил ее на первом этаже Новобратского корпуса. Полтора года мы вот так и жили: приходим утром - электростанцию заводим - свет есть. Мы тогда с 8 до 17 работали. Когда рабочий день подходит к концу, то я даю команду мотористу: «Тушим свет, уходим все домой». Эта электростанция давала 15 кВт. Ее хватало на то, чтобы был свет, да еще пара компьютеров работала, которая была нам подарена в свое время.

Когда вырубили свет, и котельная всталла, у нас администрация была в Петербургской гостинице. Я слил воду и дал команду перевести всю администрацию в Святительский корпус. Там было печное отопление, а свет мы сами дали. Фонды освещались, Настоятельский освещался и Святительский. Святительский был не готов, не отремонтирован, на ходу все доделывали. Сами сотрудники там

все убирали, мыли. Помню, было всего 2 компьютера, в Петербургской гостинице для них специальная комната была. Я тогда так и не освоил компьютер, там всегда очередь была. В основном зав. отделами печатали всякие бумаги. А у моего секретаря Кати Марковой машинка была с кареткой, на ней все приказы и печатали.

В Новобратском корпусе тогда ничего не было, только студенты, приезжавшие на лето, жили здесь. На первом этаже мастерские были, а станцию мы поставили там, где сейчас экспозиция по археологии.

В то время в магазинах в долг влезали. Я договаривался с РАЙПО, мы на «Печаке» возили им товары, грузы. Составляли списки, кому, сколько можно дать продуктов, люди ходили и по спискам получали товары. А потом музей платил деньги в магазин.

Тем не менее, коллектив был дружный, и мы старались проводить совместные мероприятия. У кого что дома было, тот то и нес на общий стол: кто капусту, кто картошку, кто пироги. Серафима Александровна пироги всегда пекла. Все собирались, ставили столы прямо в коридоре Святительского корпуса. Праздники праздновали сообща.

Вообще, мы летом с помощью туристов и техники сами старались погашать долги по зарплате. Закупали в Кеми бочки с топливом, на «Печак» привозили сюда. Починили 2 заброшенных автобуса, стали возить на них туристов, а «Печак» тоже возил группы. Самое интересное было, когда «Печак»

ЮБИЛЕЙ

Продолжение. Начало на стр. 17

приходил с рейса, и вот вся эта команда у тебя строилась в очередь, а ты им зарплату выдаешь. Главный бухгалтер приходит ко мне, говорит, сколько денег надо, а я говорю: «Разделим на всех одинаково, что дворнику, что директору». Вот у нас как община такая была. Не на что людям было жить, тяжелые времена были.

В эти годы и туристов-то приезжало очень мало. С 96-го года начали к нам приезжать норвежцы, но всего человек 200 за сезон. На самолетах группы «Помор - Тура» прилетали. Но не часто, иногда доходило до того, что всего раз в неделю. В 97-м году примерно 2000 туристов за сезон было всего. Ну и «Юшар» еще ходил, тоже группы «Помор - тура» на нем приезжали. Потом «Юшар» продали, и Т. Бестужева вынуждена была арендовать в Мурманске «Клавдию Еланскую». Но это было очень дорого, поэтому теплоход, может, один раз за сезон приходил и все. Так это был большой праздник: 150-200 туристов из средней полосы. В основном простые люди приезжали. Богатые отдельно ездили. Например, приезжала жена генерала Лебедя. Она мне запомнилась тем, что вокруг нее шло 6 телохранителей.

Очень интересный случай был, когда мы с юнгами организовали праздник в честь 55-летия Соловецкой школы юнг, это был первый праздник для них после развода СССР. В тот раз юнг сопровождал Герман Степанович Титов, космонавт. Представляете увидеть

Г.С. Титов, П.Н. Балакшин (глава администрации Архангельской области),
Б.Н. Орунов, О.В. Шапошник

живого космонавта. Мы на «Печаке» их всех привезли. У меня еще где-то фотография есть, где мы с Германом Степановичем стоим на причале, рядом Ольга Шапошник стоит (она у меня в то время командовала экскурсионным отделом). Мы тогда их свозили на землянки, юнги очень довольные были. Они ведь тоже понимали, что организовать хоть что-то в то тяжелое время было очень не просто.

В то время самая главная задача была спасти музей. В то время уже довольно сильно развивался монастырь. Наша цель была спасти, ни в коем случае не допустить закрытия музея. Ведь администрация Архангельской области в любое время могла выпустить постановление и нас всех распустить.

В 98-м году Архангельск уже пошел на подъем и областной

бюджет начал погашать задолженность перед ДЭС. Нам снова дали электричество.

В 98-м я обратился в письменной форме к депутату Тамаре Гудиме из Государственной Думы от Северодвинска. И она летом того же года привезла на Соловки весь Комитет по культуре Государственной Думы во главе с председателем Говорухиным. Они приехали, все посмотрели, мы, конечно же, плакались. В итоге депутаты пообещали нам помочь. И действительно в районе 99-го года нас перевели на федеральный бюджет. В то время уже Фокина была уже директором.

В конце 99 года мы стали получать деньги уже из федерального бюджета. Как раз тогда денежки и пошли. А в 2000-м году уже и Лопаткин приехал.

Лариса Александровна Петровская: «ЭТО БЫЛ СОВЕРШЕННО ДРУГОЙ МИР»

В музее я работаю с 1982 года. Сложилось так, что сначала я приехала сюда в качестве туриста, а потом оказалась сотрудником музея. С той поры так и осталась здесь. В этом году в октябре исполняется 25 лет, как я работаю в музее.

Время тогда было очень интересное, необычное во всем. Каждый

день был не похож на другой, потому что приехали мы с моей подругой из Вильнюса это был совершенно другой мир. И окунулись в совершенно особую, соловецкую, жизнь очень яркую, наполненную какими-то невероятными ежедневными впечатлениями. Я сначала даже пыталась

Продолжение на стр. 19

Продолжение. Начало на стр. 18

записывать, потому что это потрясающее интересно, непривычно люди, места, события, отношения, а потом забросила записи на них времени просто не оставалось.

Коллектив уже был достаточно большой, со сложившимися отношениями, в которые надо было вписываться. Как полагается, работать начали смотрителями, ну а потом направили в массовый отдел это была школа для всех начинающих музейщиков. Любимая фраза тогдашнего директора «Каждый музейщик должен пройти горнило массового отдела». Директором тогда был Лев Евгеньевич Востряков. Еще помню, когда мы с ним побеседовали, он сказал: «Не останешься, многие приезжают навсегда, а надолго не задерживаются». Такое у него было впечатление, что долго мы здесь не продержимся. Потом я была и организатором экскурсий, и методистом, и заведующей этим отделом, работала в фондах, потом перешла в отдел архитектуры, в котором (с учетом смены вывесок) так и осталась.

Если вспоминать о самых ярких и сильных впечатлениях, то их множество. Мы сами тогда были все очень молоды. Помню, мы однажды подсчитали средний возраст «музейщика». Получилось около 35 лет. Мы были молоды, нам было очень интересно друг с другом, великое множество интереснейших людей приезжало на Соловки в гости, поработать, по разным причинам и с разными целями. Общение тогда было, пожалуй, главной формой нашей жизни и одной из главных тогдашних ценностей очень мало времени уделялось быту и его организации, музейщики в поселке слыли чудаками, впрочем, отношение было очень добрым, хотя и слегка со стороны.

А если о впечатлениях ... Самое самое из них до сих пор живо, хотя прошло уже достаточно много лет. Оно относится ко времени, когда ожидали возвращения мощей Преподобных на Соловки. Готовились к приезду, проводилось очень много работы по приведению в

порядок памятников, интерьеров, многое надо было успеть.

И это самое яркое воспоминание связано со Спасо-Преображенским Собором. Он до этого много-много лет стоял в лесах. Работы на нем велись, но в это время не очень активные. Время начиналось сложное, перестроенное, государственное финансирование стало нестабильным (если было вообще). Начались разбор и шатание в государственных масштабах, в которых очень сложно было существовать. А здесь выделили небольшие целевые средства, и Собор стали приводить в порядок. Срочно отделялись фасады. И вот последние дни уже буквально завтра приезжают, а работы еще не успевают завершить поэтому работали целый день и еще ночь. И вот это зрелище, когда Собор на глазах освобождался от лесов, буквально на глазах открывались белейшие фасады, было завораживающим. И потом мы уходили в сумерках, работы все еще продолжались, и Собор был еще наполовину в лесах. Включили прожекторы, работы продолжались всю ночь.

Утром мы вошли в арку Архангельских ворот и вдруг Собор. Белый, сияющий в лучах утреннего солнца вот это впечатление до сих пор перед глазами, навсегда. Может быть, тогда особенно стало понятным, каким все может быть, ради чего работает

множество людей.

В тот период, когда я пришла в музей, одним из главных направлений деятельности было создание экспозиций и их насыщение. Тогда шла интенсивная экспедиционная работа. Стремились заниматься наукой и, в общем-то, достаточно много направлений было задействовано. Насколько они успешно и удачно реализовывались это уже отдельный разговор по каждой ситуации. Но, во всяком случае, было стремление заниматься наукой историей, этнографией, культурологией.

Реставрационная деятельность тогда существовала практически отдельно от музея. Музей отдельно, реставрация отдельно, и многие тогда понимали, что это не совсем правильная ситуация. И когда к 88-89-му году начались государственные реформы, в недрах Министерства культуры наконец вызрела мысль, что многие управленческие функции надо максимально приблизить к Соловкам, в том числе функции заказчика реставрационных работ передать музею. И соответствующие распоряжения были по этому поводу сделаны.

И вот, скажем, с конца 80-х и где-то до середины 90-х годов была очень сложная ситуация по осваиванию этих функций, по исполнению этих функций. Очень сложная

Продолжение на стр. 20

Продолжение. Начало на стр. 18, 19

Приезд Патриарха Алексия II

политическая, экономическая и социальная ситуация складывалась в стране, когда старые связи рушились, и новые было выстроить очень сложно, а иногда и почти невозможно, была и чиновничья чехарда. И тогда надо как-то было найти возможность не просто существовать в сложных условиях, но еще и осуществлять какие-то действия. Много тогда, конечно, было всяких вещей, которые в другой ситуации можно было бы избежать главным образом организационных. Специалистов не хватало, как, впрочем, и всегда. В этот период с Соловки очень многие покинули. В службе заказчика оказалось два-три человека, которые тянули на себе всю работу. И, конечно, если бы не кооператив «Палата», который в те годы принял на себя производство реставрационных работ, создал для этого коллектив специалистов, производственную базу, сохранил студенческий строительный отряд МГУ, проще говоря спас дело реставрации на Соловках в немыслимых условиях, ничего бы и не состоялось просто все бы рухнуло. Потому что, если нет реального производителя работ, то имей деньги, имей функции - ничего бы не получилось.

Очень тяжелое время было. Плюс еще тогда шла постоянная реорганизация музея искались новые формы, в которых бы мог существо-

вать музей. Вообще, это было время поиска новых форм существования Соловков как живого организма. Были и глобалистские проекты по созданию здесь объединенной дирекции для всех Соловков, куда должны были войти руководители всех предприятий острова, потому что была тяжелейшая ситуация ведомственной разобщенности и это была серьезная проблема. Я помню это время «запойных» наших дискуссий, затягивавшихся далеко заполночь, о будущем Соловков, о том какими они могут и должны быть, какими средствами это можно сделать. Тогда и район создался в качестве одного из возможных путей решения проблемы административного управления территорией.

Это было время, когда деятельность возродил монастырь, т.е. была необходимость поиска форм взаимодействия. Я считаю, что как-то правильно сразу были выстроены отношения руководителями музея и монастыря, тогда директором была Людмила Васильевна Лопаткина. Все понимали, что делить-то пока еще было нечего слишком многое находилось в неблагополучном состоянии. Оптимальнее было объединить небольшие возможности и средства для того, чтобы восстанавливать и сохранять наше общее наследие. Я полагаю, что тогда были заложены возможности

нормального взаимодействия церковной и государственной структур. В тот период все противоречия были незначительны и больше «домашнего» плана. Соединив возможности музея, «Палаты», монастыря получилось осуществить тогда несколько совместных проектов, в первую очередь восстановление интерьера Благовещенской церкви, Филипповской церкви, создание нескольких выставок.

Надо отметить, что все это происходило в тяжелейшие годы середины 90-х, когда просто приходилось выживать, причем выживать всем. Выживать реально, без всяких преувеличений. Музей отключили от электричества, не было денег ни на что на свете. Сидели в темноте со свечками, с дымящими печами, на которые вечно не хватало дров, и это продолжалось не один год. Среди забавных ситуаций, которых всегда хватает, можно вспомнить такую. Случайно оказался не отключенным один столб ЛЭП. Совершенно случайно мы это обнаружили, и, грешным делом, этим воспользовались, подключив компьютер (через счетчик для спокойствия контролирующих органов). Тогда был единственный живой компьютер в музее, в отделе архитектуры, мы честно больше ни для чего этим электричеством не пользовались. Нужно было готовить массу документации, и работы не останавливались, шли, и в общем-то этот компьютер нас тогда спас.

А забавное в этой ситуации было то, что когда приходил народ в наш кабинет, видели, что все сидят за своими рабочими местами, у каждого по свечке и... работает компьютер. И тут нужно было видеть лица посетителей, особенно городских, которые очень медленно въезжали в эту ситуацию, сопоставляли в сознании свечки и действующий компьютер. Это забавная история. А красавая история это про Собор. Потому что, может быть, она обозначила то главное, ради чего мы здесь живем и работаем.

итоги

«ГОРЯЧЕЕ» ЛЕТО 2007-ГО

Три значимых юбилея отмечают Соловки в этом году: 500-летие со дня рождения святителя Филиппа, 65 лет со дня создания на Соловках школы юнг и 40 лет со дня образования Соловецкого музея-заповедника. Эти три круглые даты лейтмотивом проходят через все музейные мероприятия и события года.

Юбилейный летний сезон для музея получился очень напряженным. Постоянно растущий поток туристов, швартующиеся у Тамариного причала иностранные лайнеры, осаждающие музейных сотрудников телевизионные группы с отечественных и зарубежных каналов и многое, многое другое. Предлагаем вам оглянуться назад и вспомнить прошедшее лето.

Регата на Соловках стала по настоящему Соловецкой

Первым крупным событием лета стала XXXIII Соловецкая регата. Второй раз за всю историю ее проведения старт и финиш гонок были даны на Соловках. В этом году регата была посвящена 65-летию создания Соловецкой школы юнг.

Впервые в рамках этого спортивного состязания музеем-заповедником были организованы специальные акции. На Дне открытых дверей Соловецкой регаты туристы могли пообщаться с капитанами и экипажами, познакомиться с устройством и историей яхт, выйти на яхтах в море. Там же была представлена временная выставка фотографий «Белое море – море Соловецкой регаты». На торжественном закрытии регаты состоялся концерт бардовской песни в исполнении самих участников соревнований.

В последний день регаты прошел торжественный митинг у памятника Соловецким юнгам, посвященный памяти выпускников школы юнг. В этом митинге принимали участие кадеты возрожденной школы юнг на Солов-

Соловецкая регата

Перемена

Мальчики с бантиками снова на Соловках

Открытие Летней школы юнг стало одним из центральных событий в деятельности Образовательного центра Соловецкого музея-заповедника. В этом году она действовала с 24 по 31 июля, и через ее классы прошли 30 ребят из Архангельской области.

Курсанты школы изучали флаговый семафор и технику вязания морских узлов, тренировались в стрельбе из пневматической винтовки, сборке и разборке автомата Калашникова, строевой подготовке. Ребята совершили пешие походы по дорогам, которыми в годы Великой Отечественной войны ходили курсанты исторической школы юнг.

Молодые юнги принимали участие во всех значимых мероприятиях, проходивших в то время на Соловках: митинге, посвященном памяти выпускников Соловецкой школы юнг во время регаты, морском ходе на Заяцкий остров в День ВМФ России, в торжественной встрече юнг-ветеранов на Соловецких островах.

Соловецкая ярмарка – праздник для местного населения

21-22 июля на Соловках прошла VII Соловецкая ярмарка. Она стала самой представительной из всех предыдущих как по количеству участников (около 100), так и по количеству демонстрируемых ремесел и привезенной продукции.

«Если на первой ярмарке было представлено не более 15 мастеров, то в этот раз нам даже пришлось производить отбор среди умельцев. Мы приглашали тех, чьи ремесла были нам более интересны», – рассказывает С. А. Гаврилова.

В этом году на Соловки приехали 10 мастеров из Швеции и Финляндии, чтобы показать российским коллегам свое мастерство. Группа приехала в рамках проекта «Сеть народных традиций северного измерения». Местные жители и гости острова смогли познакомиться с саамскими ремеслами и с методикой изготовления украшений с гравировкой по серебру.

Продолжение на стр. 22

ИТОГИ

Продолжение. Начало на стр. 21

Мастер-класс ткачеству

Кроме привычных мастер-классов и демонстрации ремесел впервые был проведен Круглый стол по теме: «Ремесленные традиции в современном измерении» – с показом и обсуждением мультимедийных презентаций, представляющих работу музеев, клубов и центров России и Баренц-региона по возрождению и популяризации традиционных ремесел.

Украшением ярмарки стало выступление фольклорного коллектива из Малых Корел «Славутница», а также дефиле и выставка клуба-мастерской «Красный сарафан» из Москвы.

У посетителей ярмарки была возможность перенять старинные приемы изготовления удивительных изделий из дерева, бересты, глины, металла, ткани, которые украсят дом, согреют в холода, порадуют воспоминаниями о празднике ремесел.

«Для меня самое главное то, что соловчане стали воспринимать ярмарку как праздник. Если в первые годы ее проведения местные жители не понимали, зачем это нужно, то в этот раз при встрече на ярмарочной поляне многие поздравляли меня с праздником», – поделилась Светлана Анатольевна.

В день ВМФ на Соловках состоялся бал юнг

День Военно-Морского флота России в этом году на Соловках прошел особенно ярко. Начались мероприятия летним военно-спортивным праздником, в котором приняли участие жители и гости островов. Первым этапом праздника стала эстафета, где в морском многооборье соревновались курсанты возрожденной летней Соловецкой школы юнг. Затем прошел открытый чемпионат по футболу с участием команд отряда спасателей МЧС России, Всероссийского студенческого строительного отряда «Соловки», Северо-западной строительной компании (г. Архангельск), Института проектирования и реставрации (г. Архангельск) и местных жителей.

Центральным событием Дня ВМФ стал морской ход к Большому Заяцкому острову. Эскадра, отправившаяся к острову Б. Заяцкий, насчитывала 15 судов различного водоизмещения. Всего в Морском ходе приняло участие более 350 человек. Такое количество участников стало рекордным за пять лет проведения этой акции. Возглавил флотилию пограничный сторожевой катер дивизиона пограничных сторожевых кораблей Пограничного управления по Архангельской области при ФСБ.

Начался ход митингом в честь Дня ВМФ России. После торжественного построения на берегу юнги первой смены летней Соловецкой школы юнг внесли на флагманский корабль Андреевский флаг.

На острове Б. Заяцкий состоялась традиционная заупокойная служба в память о всех погибших моряках, которую отслужил иеромонах Соловецкого монастыря отец Петр. На обратном пути все суда праздничной эскадры совершили остановку для торжественной церемонии по спуску венков на воду. После морского хода в соловецком Доме культуры прошел «Бал юнг», на котором посетители узнали о традициях балов с Петровских времен до наших дней.

Юнги-ветераны посетили острова своей юности

1 августа на остров прибыли 70 юнг-ветеранов, выпускников Соловецкой школы юнг ВМФ. Их встречали на соловецкой земле юные «мальчики с бантиками», участники 1 смены Летней соловецкой школы юнг. Встреча началась с торжественного построения, подъема Государственного флага России, Андреевского флага, флага ВМФ России, затем был митинг у памятника Соловецким юнгам, минута молчания в память о погибших и возложение венков и цветов к монументу.

Продолжение на стр. 23

Д е л а м у з е й н ы е

итоги

Продолжение. Начало на стр. 21, 22

Центральным событием встречи стало открытие новой экспозиции музея-заповедника «Соловецкая школа юнг» в специально построенном на берегу моря павильоне. Юнгиветераны передали копии знамени исторической школы на вечное хранение в экспозицию музея и воспитанникам Летней школы юнг на Соловках.

К встрече юнг-ветеранов музей подготовил юбилейный нагрудный знак, специальное издание «СМ-вестника» с полным списком всех выпускников СШЮ, также была выпущена брошюра «Соловецкая школа юнг. 1942-2007».

Первая выставка Ю.Гендлина в новом выставочном зале «На Вешняке»

3 августа состоялось открытие нового выставочного зала Соловецкого музея-заповедника «На Вешняке». В торжественной церемонии открытия выставочного зала приняла участие Анна Сергеевна Колупаева, руководитель Управления культурного наследия, художественного образования и науки Федерального агентства по культуре и кинематографии.

Первая выставка, которая состоялась в новом зале, приурочена к 40-летию Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. «На Вешняке» можно увидеть авторские фотоработы Ю.Б. Гендлина, заведующего фотолабораторией музея-заповедника.

«Мои Соловки» – это моя первая выставка. На ней представлены работы разных лет. Для меня самым трудным было отобрать из нескольких тысяч моих фотографий всего 40, которые в данный момент экспонируются», – рассказал фотограф.

Директор Соловецкого музея-заповедника М.В. Лопаткин особо отметил, что выставочный зал будет использоваться не под размещение музейных экспозиций, а для того, чтобы в нем могли выставлять свои работы друзья и партнеры музея.

Дни памяти на Соловках

В этом году исполнилось 70 лет с момента начала «Большого сталинского террора». Этим событиям были посвящены Дни памяти жертв политических репрессий, прошедшие на Соловках с 6 по 9 августа. 7 августа на Аллее памяти у Соловецкого камня состоялся традиционный митинг в память о жертвах политических репрессий, к памятному камню были возложены цветы, зажжены поминальные свечи. На следующий день прошла акция «Свеча памяти» с возложением цветов к подножию Поклонного креста на горе Секирной.

«Преображение»: на Соловках звучала авторская песня

Все большую популярность приобретает фестиваль авторской песни, проходящий на Соловках с 9 по 13 августа. В этом году поучаствовать в этом событии в качестве конкурсanta или зрителя на Соловки прибыло более 300 человек (на первом фестивале – не более ста). Значительно расширилась география участников фестиваля: в этом году были не только авторы и исполнители Северо-запада и Центральной части России, но и представители ближнего зарубежья (Белоруссии, Украины и Казахстана).

На протяжении всего фестиваля продолжались мероприятия, на которых своими талантами могли блеснуть участники конкурса, члены жюри, лауреаты прошлогодних фестивалей. Основная работа фестиваля проходила в трех творческих мастерских: «Исполнители», «Композиторы» и «Авторы».

Кроме участия в официальной конкурсной программе, барды соревновались в Чемпионате острова по мини-футболу, вдохновляли своими песнями участников Фестиваля соловецкой селед-

Продолжение на стр. 24

ИТОГИ

Окончание. Начало на стр. 21, 22, 23

ки. В дни фестиваля были открыты для посетителей выставки М. Деева и Н. Погорелой, а также выставка художественных работ академика, члена Союза художников России А. Тимофеева.

Впервые у ставшего традиционным фестиваля в этом году появился собственный флаг.

Соловки выходят на мировой экран

В этом году на Соловках побывало около 15 теле- и радиожурналистских групп с центральных российских и зарубежных каналов. На территории музея работали отечественные телекомпании: арабская и английская редакции телеканала «Россия сегодня», ГТРК «Поморье», Архангельское представительство «5 канала» (Санкт-Петербург),

НТВ, АНО «ТВ-Новости», Телеканал «Культура», Нижегородская государственная областная телерадиостудия, медиа-студия «Регион» (г. Петрозаводск). Соловки посетили иностранные съемочные группы из Японии,

ТУРИСТИЧЕСКИЙ СЕЗОН НА СОЛОВКАХ ПРОДЛИТСЯ

На Соловки приедет джаз

24-25 сентября на Соловках состоятся Дни джаза. Это будет своеобразный рекламно-информационный тур, организаторами которого выступят Архангельский фонд развития джаза, туристско-экскурсионная компания «Помор-Тур» и ЗАО «Аэрофлот-Норд».

На фестивале выступят ансамбль Игоря Бриля и американская группа «Mingus Dynasty orchestra». Кроме музыкантов Соловки посетят представители региональных властей Северо-Запада России, журналисты, ведущие туроператоры Москвы и Московской области, а также представители норвежской компании «FAROUT», специализирующейся в области событийного туризма. Да и программа тура не ограничится только музикальной частью. Планируется показ главных достопримечательностей островов, а также проведение

заседания координационного совета по туризму Северо-Западного регионального отделения Российского Союза туриндустрии.

Организаторы не сомневаются: фестиваль позволит дополнить привлечение туристов в Архангельскую область, продлив традиционный сезон на Соловецких островах.

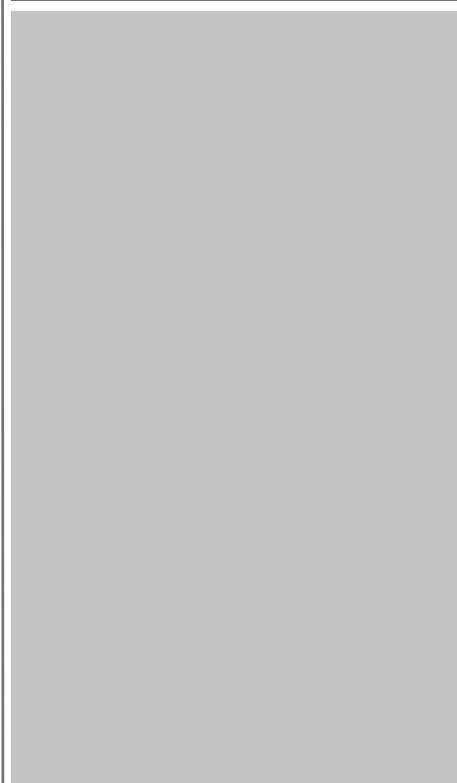
США, Германии, Франции.

Корреспондентов интересовали следующие темы: Соловецкие лагеря особого назначения, история Соловецких островов и современная жизнь на архипелаге.

Соловецкий музей-заповедник оказывал журналистам всестороннюю помощь: предоставлял возможность производить фото- и видеосъемки всех музейных объектов, консультирование штатными сотрудниками, разрешал работать в научном архиве и библиотеке музея.

В итоге такой активной и плодотворной совместной работы с журналистами архив музея-заповедника в ближайшее время пополнится более чем 20 сюжетами, посвященными истории и современности Соловков.

С ЮБИЛЕЕМ!

«СМ. Вестник» № 8 (57), сентябрь 2007.

Тираж 500 экз.

Электронная версия газеты:

<http://www.arhpress.ru/smvestnik>

Учредитель: ФГУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник»;

web: <http://www.solovky.ru>, <http://www.solowki.ru>

e-mail: museum@solovky.ru

Адрес редакции: 164070 пос. Соловецкий

Архангельской области, Соловецкий музей-заповедник, каб. 319,

тел. 8-818-35-90-281

Ответственный за выпуск: А.А. Баландина.

Верстка: А.В. Скрябина.